

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

**INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(27–28 апреля 2018 г)**

**Материалы XX Международной
конференции молодых ученых**

Томск
2018

МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: «РОССИЯ – ПРЕСТУПНИК»?

А.В. Фарукова

Научный руководитель: д.п.н. А.И. Щербинин
Томский государственный университет

Парламентский дискурс отличается ограниченным институциональным пространством, что предполагает наличие определенного регламента, четкого пространства и времени, протокола выступлений и т.п. Входя в круг парламентариев, человек принимает правила в существующем на данный момент институциональном пространстве. Ему также присущи оценочность, эмоциональность и ситуативность.

Дискурс включает «воспроизводство и производство стереотипов и предубеждений с сочетанием целого комплекса когнитивных процессов, наиболее важный из которых – хранение опыта индивида как ситуативной модели в краткосрочной и долгосрочной памяти» [2. С.203]. Политический дискурс в целом направлен на производство и воспроизводство определенных смыслов, значений, ценностей. Здесь мы можем видеть «официальную реальность», которая поддерживается действующей властью. С помощью политического дискурса можно уловить «ответ» и «мнение» власти на некоторые ситуации, происходящие в современном мире. «Парламентская текстовая деятельность направлена прежде всего не на передачу информации как таковой, а на анализ и оценку происходящих событий как основание для регулирования, направления этих событий в то или иное русло социополитического деятельностного континуума» [1. С.11]. Здесь нам помогают метафоры, которые представляются в виде ментальных конструкций, способа оценки и объяснения мира, в виде ментальной операции.

Метафоры можно рассматривать как когнитивные ответы на прототипические ситуации. Она является ментальным феноменом, заложена в понятийную систему людей [4. С.4] Соответственно, считывать эти знаки человеку легко. Через метафору можно определить основные типические характеристики описываемых событий, с какой стороны они транслируются и каким образом, кто и как воспринимается (друг-враг, хорошо-плохо, верно-неверно и т.д.). Соответственно, можно выявить доминирующие черты в политическом дискурсе. Метафора убирает на задний план одни качества и выводит на первый другие, тем самым смешивая контекст и направляя мысли в заданную сторону.

Не думаю, что обычный гражданин, приходя, например, домой, открывает стенограммы Государственной Думы, чтобы ознакомиться. Это огромное количество информации. Он все это узнает из новостей в любой удобной ему форме, где уже мы можем встретить итоги, результаты, выжимки из парламентского дискурса. Это может быть и в виде новостных статей, аналитических записок, мемов и т.д. Политический дискурс в медиа основывается на дискурсе обыденного жизненного мира, привычного человеку, для того, чтобы легко обратиться к массовой аудитории, которая увлечена новостными продуктами в основном в домашних условиях, в свободное время [5. С.14]. Здесь метафора тоже помогает: облегчает понимание, задавая типические характеристики. «Язык остается самым важным инструментом политической коммуникации, который может быть

использован как для информирования общества, так и для формирования общественного мнения» [3. С.400].

Были рассмотрены метафорические модели, связанные с отравлением Юлии и Сергея Скрипаль, в парламентском дискурсе, в СМИ за март 2018 года. Сквозь эту призму исследуется отношение к России. Три самые популярные и часто встречающиеся метафоры, связанные с делом Скрипаля: военная (45%), криминальная и метафора (26%), относящаяся к сфере «человек» (20%).

В Великобритании «принадлежность членов парламента к одной партии подчеркивается лексически при помощи слова friend, которое указывает на единство мнений членов одной партии» [3. С. 403]. Так же «friend» или его множественный аналог употребляются и в связи с похожим мнением стран по поводу дела Скрипаля, то есть страны – как круг друзей. Например, «And I think there is a reason for that and it is that across so many parts of the world we are seeing, there are countries who directly or indirectly have experience now of disruptive or malign Russian behaviour and that's why what we are doing now is working with our friends on all sorts of measures». Невозможно не заметить и метафорическую конструкцию, связанную с «агрессивным поведением России». Во фрейме «человек» данная конструкция на рассматриваемую нами тематику очень популярна: «disruptive Russian behaviour», «malign Russian behaviour», «reckless Russian behaviour», «aggressive Russian behaviour».

В военные времена предполагается образ врага и образ нас. Характерно наличие конфликта, противоборства. Война ведется с помощью различных средств: технических, дипломатических, идеологических, экономических и других. Она включает в себя и определенные этапы, разновидности, характерные термины: батальон, фронт, дислокация и множество других. Все это встречается в метафоре войны. Аналогично и в криминальной метафоре, со всеми ее понятиями и действиями. Тем самым устанавливаются конкретные рамки. То есть, навязывается конфронтационное мышление: «мы – они», стереотипное решение проблем, сужается количество альтернатив для поиска решений и ответов. К тому же сильные чувства и эмоции связаны с военными и преступными действиями: агрессивность, тревожность, страх, долг, смелость, героизм и т.п.

В данном случае Российское государство предстает как преступник, нарушитель прав, агрессор, вражеская сторона, которой нужно противостоять. Доминирует употребление конструкций, имеющих отношение именно к активным действиям. Например, «...highly likely Russia was involved in the attack»; «...a brutal attack inspired most likely by Moscow»; «...take are intended to damage legitimate activity»; «...Russia seeks to undermine»; «Russia continues to interfere in our democratic and political processes and undermine our democratic institutions» и т.д. Тем самым усиливается акцент на «своих и чужих», на «добро и зло». Выделяется зачинщик агрессивных действий, которому нужно противостоять.

В сфере метафоры, связанной с преступными действиями, можно привести следующие примеры, которые продолжают заданную линию враждебности Российской Федерации. К примеру, «We also know that an assassination attempt of this kind is consistent with Russian state behaviour in recent years»; «We are tackling criminality by individuals linked to the Russian state in the UK»; «Russia was responsible for the reckless and brazen attempted murder of Sergei and Yulia Skripal»; «...that we will not tolerate Russia's continued attempts to flout international law and undermine our values» и т.д.

Если сначала (то есть после покушения в официальных заявлениях) употреблялись подобные враждебные метафорические конструкции в отношении России с различными словосочетаниями, выражающими сомнение, такие как «highly likely», «very likely», «probably». То к концу марта подобные словосочетания уходят и остаются чистые метафоры, отражающие негативный, осуждающий характер приписываемых РФ действий. Метафора – удобная форма для интерпретации различных событий. Метафора задает определенные смыслы и значения объекта, объясняет и оценивает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферов А.В., Кустова Е. Ю., Червонный А. М.* Исследование парламентского дискурса 2014–2016 гг.: концептуализация итогов // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 10–16.
2. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М: Либроком, 2013. 344 с.
3. *Минаева Л. В.* Британский парламентский дискурс как культурный феномен // Преподаватель: XXI век. 2015. № 3. С. 396–405.
4. *Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии: Монография. Екатеринбург, 2013. 176 с.
5. *Lauerbach G.E.* Political discourse in the media: cross-cultural perspectives. Amsterdam / Philadelphia, 2007. 393 p.